

| о такой, как ты |

Читайте диалоги Татьяны Веденской: |

Диалогия *«Мой служебный роман»*

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты

Диалогия *«Что ни делается – к лучшему!»*

Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!

Диалогия *«Лучшие подруги»*

Загадай желание
Впервые в жизни, или Стереотипы взрослых женщин

Диалогия *«Мой любимый экстрасенс»*

Фокус покус, или Волшебников не бывает
Обыкновенный волшебник

Диалогия *«Первая любовь»*

Такая глупая любовь
Все дело в платье

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

Что ни делается –
к лучшему!

диалогия |

Москва

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Веденская, Татьяна.

В26   Что ни делается — к лучшему! : диалогия / Татьяна Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (О такой, как ты).

ISBN 978-5-699-95951-8

«Соседки, или Не в парнях счастье»

Диана считала, что внимание Сергея к ее персоне — незаслуженное счастье, небывалая удача, умопомрачительное везение. Еще бы! Не красавица, не умница по фамилии Сундукова, проживающая с вечно уставшей матерью и папашей-пьянчужкой в тринадцатой квартире дома под снос, — гордиться и впрямь нечем. Поэтому ради любимого парня девушка готова была на все. Только достоин ли избранник такого самопожертвования? И не обманывается ли Диана, что только в этом мужчине ее счастье?

«Мачо, или Не ходите, девки, замуж!»

На многие семьи посмотришь и диву даешься: зачем супруги живут вместе — только крики, обиды, недоверие. В жизни Дианы и Владимира все было мирно, почти идеально: в ребенке души не чаяли, друг к другу относились с уважением, признавали за каждым право на личное пространство. Мечта, а не семейная пара — да? Только вот жене почему-то так не казалось. Чего Диане не хватало? Может быть, истерик, что так часто случались в семье ее родителей? Или страсти с битьем посуды и проверкой содержимого карманов, которая сопровождала быт ее подруг? Никто не мог понять, что происходит с женщиной, когда та пустилась во все тяжкие. Даже она сама...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95951-8

© Веденская Т., 2017

© Оформление. «ООО Издательство «Э», 2017

Соседки, или Не в парнях счастье |

роман

*Монике-Наташке
с пожеланием счастья*

Часть первая Любовь зла

Глава первая, в которой я появляюсь на свет и занимаю в нем свое место

Как можно тебя любить, если ты даже картошку пожарить не можешь?

«Мужчины о любви»

Дом наш номер девять по бульвару Генерала Карбышева был стар. Люди, которые его населяли, жили в нем по многу лет, некоторые родились в нем же, то есть не совсем в нем, а, конечно же, в роддоме на Полежаевской, самом близком отсюда. Но роддом — это не то место, в котором начинается жизнь. Она все-таки окончательно вступает в свои права, когда тебя, мокрого, кричащего, завернутого в пеленки, выносят на свет божий за пределы стерильного блока, щурясь от солнца (если таковое, конечно, не спрятано за тучами, что совсем не редкость в Москве). И уж совсем ты становишься товарищем и гражданином, когда тебя кладут в кроватку с деревянными прутьями, делают умильные лица и идут в кухню, чтобы с помощью крепких горячительных напитков отметить появление еще одного полноправного человека на свет. А человек, как известно, — это звучит гордо.

Лично я считаю, что все мои проблемы в жизни, в том числе и то, какая я, понимаете ли, уродилась, отчасти связаны с тем, куда именно меня принесли из роддома. Может ли сложиться благополучно судьба человека,

8 Татьяна Вегенская

прожившего все годы своей непутевой жизни в квартире под номером тринадцать? Впрочем, начиналось все не так уж и плохо. Родилась я во времена всеми теперь забытого Советского Союза, родилась благополучно, за восемь часов, и, как водится, первый свой крик, возмущенный несправедливостью этого мира, издала после увесистого шлепка по попе.

— Хорошая девчушка, — заверил маму акушер. — Как назовете, уже думали?

— Да когда мне, — пожаловалась мама. — Только ведь и бегая: с работы домой, из дома на работу, пока ее папаша футбол смотрит. Хоть бы поработал. Парткома на него нет!

— Да что вы говорите, — посочувствовал акушер, тихо отползая к выходу. О чем бы и кто бы ни спросил мою маму в любое время дня и ночи, она обязательно начинала ругаться на своего законного супруга, Ивана Андреевича Сундукова, моего родителя. Такова у нее, как говорится, была «мотивация». И гражданская позиция. Мама работала на конфетной фабрике, приносила в подоле полные кульки карамели, получала копейки и считала, что во всех ее бедах, включая и мое рождение, виноват только он — ее муж. Последнее, кстати, не лишено логики. Без папиного участия я бы вряд ли появилась на свет.

Впрочем, папочке мамы инсинуации почему-то были безразличны. Он сидел себе тихо, примус починял, так сказать. Получал пенсию, иногда подрабатывал на почте, разносил по району газеты, если наш почтальон заболел. Да, футбол папа любил. А еще любил сидеть у нашего первого подъезда на лавочке напротив пункта сбора стеклотары. Или отираться около продуктового магазина, в простонародье зовущегося «стекляшкой». «Стекляшка» располагалась в том же доме, что и стеклотара, только с лицевой стороны пункта, и торцом упиралась в наш дом номер девять. Там имелся отдел живого пива, в ко-

тором были расставлены высокие грязные исцарапанные столики. Папа это все очень одобрял.

— Тут всегда есть с кем пообщаться, — говорил он, звякая пустыми бутылками. — Весь цвет общества.

— Хоть ребенка-то не приучай, изверг, — возмущалась мать. Но что поделать, если у нас во дворе уж такая сложилась геополитическая ситуация. Все было рядом, прямо в двух шагах, включая детскую площадку, которая примыкала к пункту сдачи стеклотары. Естественно, в какой бы день мать ни выперла папашу гулять со мной, пока она «хоть немного выдохнуть сможет», папуля прогулку совмещал со светской жизнью. Он пользовался особенной популярностью среди местного бомонда, так как был завсегдатаем тусовок и приемов.

— Вы сегодня не были на Карбышева? Свежайшее сегодня там давали пивко!

— Что вы говорите! Какая жалость, а мы сегодня приглашены к Болконским в тошниловку на набережной.

— Что ж, передавайте привет. Не советую злоупотреблять канапем. Случается, на Карамышевской-то вобла тухленькая!

— Всенепременно учту.

Сами понимаете, как часто обратно с прогулки уже не папа вел меня, а я его.

— Что ж ты за ирод! — кричала мать, когда я на цыпочках, в прыжке, с третьей попытки доставала до дверного звонка. Папа сидел на ступеньках и мирно ловил воображаемых инопланетян.

— Мам, я есть хочу, — просила я.

— Все вы есть хотите! И пить. А мать что? Мать пусть на работе хоть загнется! Вот ведь подлец стопроцентный! Кобелина.

— Зинаида, ш-ш-ш, — с трудом выдавливал из себя отец, пока мать, матерясь последними словами, затаскивала его в дом.

Но в целом у нас была полноценная семья. А что, нет? Какая еще семья могла бы прожить столько лет в тринадцатой квартире? И знаете, что самое странное? В принципе я считаю, что мое детство было вполне счастливым. Не верите? Судите сами. Я имела столько свободного времени, сколько хотела. Потому что отцу было вообще не до меня, а мать все время норовила меня куда-то пристроить, чтобы она смогла... да-да, «хоть выдохнуть немного». В школе я училась из рук вон плохо. Знания просачивались через меня, не оставляя и следа, как волны океана смывают жалкие отпечатки человеческих стоп — без остатка. Но родителям и даже бабушке — папиной маме — было не до того. Они вполне считали свой педагогический долг исполненным, если после вызова к классной руководительнице или вообще к директору всей семьей, хором, на три голоса орали на меня и швыряли чем под руку попадет.

— Что ж ты за шалава такая, чем у тебя только голова набита! — орала мать. — Неужели эту чертову математику выучить не можешь? Хочешь на второй год остаться? Хочешь, чтоб тебя из пионеров поперли?

— Ты, дочь, расстраиваешь нас, — баритоном бубнил отец.

— А ты ее не учи, сам-то что — лучше? — моментально переключалась мать. — Таскаешься? Думаешь, если инвалид, то можно лапки кверху и все на меня?

— Папа, ты инвалид? — ужаснулась я.

— Мозга! — моментально отреагировала мать. — Пропил здоровье, а теперь государство ему плати!

— Ты мальчика не трогай, он такой из-за тебя, — вступалась третьим голосом бабуля. Что ни говори, а сын есть сын, даже когда этот сын заходит к тебе домой раз в месяц, не чаще, хотя ты живешь всего в двух кварталах, на набережной. И заходит в основном, чтобы стрелкнуть двадцатку «до пенсии», хоть и ты, и он знаете, что двадцатка уже никогда не вернется. Папа был человеком

простым и непритязательным. И во многом он обеспечил мою пожизненную лояльность к представителям сильного или, вернее, сильно пьющего пола. Папу я любила, папа был ко мне ласков и добр, особенно после «приема» у «стекляшки». Когда папа принимал пиво, он становился сентиментален и склонен к долгим разговорам, прерываемым только на удовлетворение естественных нужд у забора пункта приема тары.

— Папа, а ты счастлив?

— А как же? — удивлялся он.

— Но мама тебя не любит. Она орет же все время.

— Мама меня не любит? — даже немного обижался папуля. — Да мы с Зинкой сто лет вместе. Она просто такая уж есть — буйная. Зато готовит! Ты, дочь, учись. Самый короткий путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

— Да? — удивлялась я и со всей своей детской непосредственностью пыталась представить себе этот самый путь. Буквально представить. От двенадцатиперстной кишки до левого желудочка. И хихикала, представляя, как прокладывается этот путь.

— Смейся-смейся, — суровел отец. — С тем, как ты готовишь, на тебе не женится и такой, как Аркашка.

— Ой, не очень-то и хотелось, — фыркала я в ответ. Да, готовила я омерзительно и сколько бы экспериментов ни ставила, есть мои сгоревшие снаружи и сырые внутри блюда могли разве что бездомные коты. И то только зимой, когда на помойках вся другая еда замерзала. Но при чем тут Аркашка — наш сосед с четвертого этажа? Не о такой любви я мечтала, обнимая старую, сбившуюся в ком ватную подушку. Аркашка у нас был что-то вроде местного юродивого. Жил он уже много лет один, вернее, с псом Кузьмой, неопределенной породы и воспитания. В силу каких-то неуловимых причин, с тех пор как ему исполнилось лет шестнадцать, мамаша его куда-то делась. Я не помню ни ее имени, ни того, как она выглядела, но

знаю точно, что она была. И куда она подевалась, никто до конца не понял. Кажется, она уехала строить любовь с каким-то командированным, а квартиру оставила сыну. Но это было только предположением.

— Аркаш, а ты бы женился на мне? — спросила я его как-то, просто так, в шутку. Мы с Аркашей частенько сидели на детской площадке и беседы беседовали. Он хоть и был старше меня лет на десять, но по своей наивности и открытому отношению к миру и к людям равнялся солнечному зайчику. Жизнь его была простой и понятной, он работал грузчиком, тут же, в «стекляшке», зарплату получал пивом, так как денежный эквивалент все равно спускал бы на него же. И немного — продуктами питания. Потребности у него были минимальными, а коммуникабельность, особенно после употребления зарплаты внутрь, — просто образцовой. И дружить с ним было — одно удовольствие, если он не становился совсем уж в лежку пьян, конечно.

— Женился бы, отчего же, — подумав, ответил он.

— Что ты говоришь? А папа считает, я готовлю плохо, — добавила я.

— Ну, пельмени-то сваришь, — пожал плечами он. Да, это было мне по силам. Однако слова папины про мою женскую несостоятельность сильно запали мне в голову. Красотой я не блистала, если только не считать весьма внушительного уже на тот момент роста. Однако лицо у меня, как говорится, требовало кирпича: широкие скулы, нос-картошка, не слишком большие карие глаза. В профиль смотреть — так вообще можно только рыдать. Подбородок, правда, волевой, но вот руки — крупные, под стать росту, с широченными ногтями, которые, сколько ни крась, ни маникюр, не смотрелись изящно. Нет, вообще во мне никогда не было ничего изящного — лошадь, она и есть лошадь. Только что ноги длинные. Так ведь на одних ногах далеко не уедешь, думала я. Да уж, мысль о сомнительных перспективах засела во мне прочно, на-

вевая мучительные сомнения и страхи. Да и отчего бы не засесть, если ничего другого в голове не хранилось. Школа к тому времени уже подходила к своему логическому завершению, я готовилась пройти через последний позор последнего школьного года, игольное ушко экзаменов, а там оставить школу позади, переступив порог какого-нибудь пыльного училища. А что еще я должна была предположить при своем уровне интеллекта и образования? Не в институт же идти, в самом деле? Даст бог, хоть восьмилетку окончу без единого оставления на второй год. Но тут судьба вмешалась снова, в лице худенькой остроносой девчонки, сидящей на тюках с вещами. Около нашего подъезда.

— Привет, ты живешь тут? — первой спросила она, устав, видимо, подпирать небеса в ожидании грузчиков.

— А ты переезжаешь? — уточнила я, хотя ответ и так был очевиден.

— Нет, я тут на шухере стою, — огрызнулась она. — Сейчас дограбят — и уедем.

— Ну и удачи, — разозлилась я. Подумаешь, какая цаца!

— Подожди, — заволновалась она. — Я — Катерина.

— Катя? — переспросила я.

— Катя — это кукла с рыжими волосами. И в веснушках. А я — Катерина.

— В таком случае я — Диана. Как богиня, — задрала свой нос-картошку я. На богиню охоты я походила, как вошь на сокола. Чай, не Мэрилин Монро. Скорее ближе к Мэрлину Мэнсону. Когда я смотрела на свое лицо в зеркало, хотелось, знаете ли, закрасить холст и нарисовать все заново. Чтобы быть, как эта вот Катерина.

— Дина?

— Диана, — фыркнула я в тон ей. Да уж, мама, видимо, очень старательно и ответственно подошла к выбору моего имени. Так и пошло, что я Диана Ивановна Сундукова из тринадцатой квартиры. Нормальное имечко? С таким

могут и в комсомол не принять. Ну, что ж поделаешь, при моих показателях меня и так никуда не ждали. Ни в какие ячейки. Так что ФИО тут ни при чем. Впрочем, в жизни женщины есть безусловный плюс — она меняет фамилию столько, сколько захочется. С именем сложнее. Говорят, можно поменять и его, надо пойти и написать заявление, но я никогда всерьез об этом не думала. Вот если бы, как папа рассказывал, мама все-таки назвала меня Анфисой, я бы еще подумала. А так Динка — как картинка. В принципе, нормально.

— Ты на каком этаже?

— На пятом.

— А мы будем на первом, — продолжила знакомство Катерина. Она, кстати, вообще по жизни сильная личность и старается все держать в своих руках. — В трехкомнатной. У меня комната — семь метров. Круто?

— Здорово.

— Кстати, мы из Беломорска.

— Ага, — немногословно отвечала я. Но на кусок дивана присела. И до самого обеда слушала, как тяжело спать, когда солнце висит на небе круглосуточно, как свихнувшийся фонарь. И как здорово гулять по Белому морю, хоть и купаться, в общем-то, нельзя.

— Странно, — удивилась я. — Море — и нельзя купаться?

— А что странного? — обиделась она. — Как в Америке.

— Врешь.

— Там в Тихом океане тоже купаться нельзя.

— Как нельзя? Все купаются и не жужжат.

— Ты по географии что, двойку получила? Тихий океан — он леденящий. Там, в Америке, у них он не выше четырнадцати градусов. Да? Не знала?

— А ты отличница, что ли? — нахмурилась я. С отличницами у меня разговор короткий. Не нашего поля они ягоды. Сидят на первых партах, мечтают о карьере.

Понимают, что такое диффузия. И интеграл. Нам с ними говорить не о чем.

— Ну и отличница. И что? Хочешь, и тебя научу? — У Катерины оказалась редкая особенность, она просто обожала брать кого-то на поруки. А я, соответственно, была идеальным объектом для порук. Так оно и пошло, особенно после того, как выяснилось, что учиться нам предстоит в одном и том же классе. Катерина взяла надо мной шефство, усадила, не дожидаясь согласия с моей стороны, рядом с собой, на второй парте, что смутило не только меня, но даже и учителей. Они считали, что зря она, Катерина, связалась со мной. Что я ее обязательно научу плохому. Материться — уж как минимум.

— Ты девочка хорошая, умненькая, — говорили ей. — Зачем тебе с ней водиться?

— Я должна ей помочь, — отвечала она, глядя ясными, красивыми васильковыми глазами на учителей. Особенно на математика. Он от меня вообще всегда сходил с ума, я была его самым страшным ночным, или, вернее, школьным кошмаром. Никогда не носила сменки, не стирала рубашек вовремя (а как, если маме вообще в голову не приходило, что у меня рубашек должно быть хотя бы две). Дневники и учебники убивала в хлам. А научить меня сложить два плюс три было невозможно, сколько ни ори. Формулы вылетали из другого уха со скоростью света. К тому же начала покуривать.

— Смотри, она все равно потом пойдет в ПТУ, — вздыхали все, но Катерина решила, что я обязана, просто обязана перейти в следующий класс. Ее уверенности и упертости можно было только позавидовать. Даже я не разделяла ее оптимизма.

— Ничего у меня не получится.

— Тут нет ничего сложного, — уверяла меня Катерина, усаживая в своей семиметровой комнате, пока у меня дома мама ругалась с папой или, если его тоже не было,